

На краешке старенькой парковой скамейки вырезаны два маленьких сердца. Длинная оперённая стрела навечно пронзила их своим остриём. И теперь долго-долго, пока существует на белом свете скамейка, будет жить и этот наивный символ любви. Откуда-то прилетел жёлтый тополиный лист. Странная, неожиданная примета осени среди буйного лета. Он спланировал как раз на то место, где в порыве чувств родился незамысловатый любовный орнамент. «Осенний лист в июле! Откуда?» — подумалось Лидии Сергеевне. Наискосок, на другой стороне аллеи, занеся высоко в небо свою вершину, окружённый подстриженными кустами акации, стоял тополь, безмятежно-немо, бестрепетно вбирая солнечный свет и тепло. Ни одна веточка на нём не дрогнула вслед отторгнутому детёнышу. «И никакой драмы. Всё обыденно просто: листья, способные к фотосинтезу, будут сами жить и ещё питать дерево, а бесполезный уродец умер. В природе всё целесообразно. И это, пожалуй, наивысшая мудрость. А вот человек... Миллионы лет познаёт он природу, ведает о её неизбежных законах, но так и не смирился с этой целесообразностью. Чем цивилизованнее он, тем меньше готов выживать по законам природы и тем больше нужно ему сострадания и участия... Мудрость природы человек пытается заменить моралью...»

Жёлтый лист неподвижно лежал на скамейке, прикрывая пробитые стрелой Амура сердца. Видны только давно нацарапанные чем-то острым буквы под ними: «Л + Л».

«Ненадёжный ты страж, жёлтый лист! Любовь — сложнейшая, тончайшая материя... Не от тебя зависит счастье Л + Л...»

Женщина сидела на скамейке долго. Редкой красоты лицо её было напряжено мыслью. Потом она встала и резким, даже как будто неприязненным движением руки смахнула лист со скамейки. Он полетел на зелёную траву газона и лёг там, опять же спокойный и ко всему равнодушный, даже к себе самому. «Скоро он смешается с землёй. Это естественный финал всего живого. И никакой трагедии... Почему же человек так страдает, будто он не от мира сего?»

Женщина направилась к выходу из парка. Немолодой мужчина с газетой в руке, шедший ей навстречу, остановился, когда она поравнялась с ним.

— Это вы, Лидия Сергеевна? Глазам своим не верю. Здравствуйте! А я слышал, что вы уже давно живёте и работаете за границей...

Женщина рассеянно посмотрела перед собой, коротко кивнула головой:

— Здравствуйте... Да, работаю,— и заспешила дальше.

Озадаченный, даже расстроенный мужчина долго смотрел ей вслед: по тому, как он поприветствовал женщину, можно было понять, что он рассчитывал на большее внимание.

В телефонной трубке — голос Леонида:

— Лида, не надо приезжать ко мне. Твоей сестры нет дома, она в Центре трансплантации, а нам незачем встречаться наедине. Мы же с тобой давно всё решили. Да, ещё одно: не называй меня, пожалуйста, Лео, как будто мы по-прежнему в большой дружбе. Если хочешь сказать что-то действительно важное, говори быстрее: я очень спешу.

— Почему ты не увёз Ларису в Германию — в Хайделберг или Фрайбург? Прооперированные там почти в два раза дольше живут с подсаженной почкой, чем прооперированные у нас...

— Пытался... Но ты не учла, что в Германии эти операции предпочитают проводить только при наличии живого родственного донора...

Голос в трубке замолк.

Секунда, другая... пошли гудки...

Через несколько минут Лидия Сергеевна переоделась в строгое, но не лишённое изысканности платье и вышла из гостиничного номера.

Доктор в глаза не смотрел.

— Надежда? Есть. Без неё бессмысленно, даже преступно что-либо предпринимать, особенно в таких случаях.

— Что с донором?

— Сложнейшая черепно-мозговая травма. Третьи сутки в реанимации. Вот тут, простите за цинизм, надежды, можно сказать, нет...

Лидия Сергеевна тоже не смотрела в глаза собеседника.

— Клинические показатели совпадают?

Губы доктора передёрнула ироническая усмешка:

— В основном... Вы же опытный врач, Лариса Сергеевна, и не можете не знать, что между донором и реципиентом не может быть абсолютной идентичности, клинические данные близнецов и то могут значительно расход...

Врач, словно сказав нечто лишнее, неприличное, оборвал фразу на полуслове. Теперь глаза женщины буквально впились в его глаза.

— Что вы имеете в виду? Вы упрекаете меня или предлагаете мне пожертвовать своим здоровьем и тоже стать калекой?

— Бога ради, простите! Я не хотел сказать то, что вы подумали. Я не имею на это никакого права. Да и никто... не имеет...

Посетительница встала, простилась, но около двери обернулась:

— Я могу навестить Ларису? Мы не виделись много лет.

Доктор, помедлив несколько секунд, кивнул:

— Не возражаю. Но недолго.

Больная, накрытая до подбородка белой простынёй, походила на покойницу. На кровати лежала чужая женщина, бледная, изнурённая тяжёлым недугом. Она была никакой: на лице ни страдания, ни досады — ничего. Это мертвенное лицо пугало. Чем? Лидия Сергеевна, видевшая немало смертей, впервые подумала, что смерть страшна отсутствием жизни, тем, что она ничего не обозначает и не выражает, обезличивая и уравнивая абсолютно всех.

Больная открыла глаза:

— Лида...

Лидия Сергеевна заставила себя поцеловать сестру и села на краешек кровати. Она была успешным врачом, но эта успешность далась ей непросто: от многого, чем балует

жизнь красивых женщин, пришлось отказаться. Правда, Лидии Сергеевне это далось легче, чем далось бы кому-то другому, потому как оказалась она однолюбкой и всю жизнь, со школьных лет, любила одного человека. Сначала он об этом не знал. Лучше было бы, если бы и потом не узнал. Но все годы, которые она не могла посвятить ему, Лидия посвятила карьере. Бóльшая часть её жизни проходила среди больных, и больничная обстановка давно перестала тяготить её. Но сейчас перед ней лежала не просто больная, а её единственный родной человек — сестра, родившаяся с ней в один день и теперь безвременно медленно умирающая.

— Ну, Лариска, Ларисочка, я и не ожидала, что ты можешь так раскиснуть. Ай-ай-ай!

Лариса закрыла глаза. Шутка не получилась. Сколько раз каждый день в разных больницах врачи и близкие люди произносят похожие шаблонные фразы, бодряческой интонацией пытаясь подстегнуть волю больных к борьбе за жизнь! Но при этом обе стороны чувствуют фальшивость ситуации. Сказанное Лидией тут же смутило её самоё. Она поспешила исправиться:

— Лора... Лора... ты слышишь меня?

Бледная исхудавшая рука появилась поверх простыни, потянулась к Лидии Сергеевне. Та, потрясённая, подхватила руку сестры, прижала к своей груди и, почувствовав мелкие судороги в костлявых пальцах, заплакала.

В палату зашёл врач:

— Ох уж эти женщины! Раз дело дошло до слёз, пора расставаться.

Какое у него усталое выражение лица и какой ненавистный нарочито бодренький голос...

— Я приду, Лорочка, я скоро приду! Я буду приходить к тебе каждый день! Я продлю отпуск и останусь в городе...

А врач уже держал посетительницу под руку, давая понять, что визит закончен. В коридоре он подал Лидии Сергеевне конверт:

— Ваша сестра написала. Давно. На случай. Боюсь, что этот самый случай может оказаться недалёким... по времени...

Лидия Сергеевна взяла конверт и захотела тут же вскрыть его. Врач остановил:

— Не сейчас,— и добавил совсем неожиданное: — Пока не приходите. Потом — другое дело, но не раньше, чем через две-три недели после операции, потом — обязательно. А сейчас, понимаете, нормальный контакт невозможен: мы держим вашу сестру в постоянной готовности к операции. Психика её заторможена: если не принимать мер, возможны приступы болезненного возбуждения, а это очень нежелательно сейчас.

— А что будет, если донор выживет? — Лидию Сергеевну словно за язык кто дёрнул.

А по сердцу резануло: ведь у него, этого несчастного, наверняка есть близкие, которые сейчас молятся всем богам за его выздоровление.

Глаза Лидии Сергеевны и доктора опять встретились. В считанные секунды перехлестнулось всё, что было в них. Оба смутились.

— Мы всё делаем для того, чтобы предполагаемый донор выжил. Дальше — по ситуации,— доктор сказал это, особенно нажав на слово «всё». — И, думаю, вам надо записать номер моего телефона.

На крошечном листке, выпавшем из конверта, была всего одна строчка: «Дорогая Лидочка, я про вас с Леонидом ещё со школы всё знала. Прости!» Через час после возвращения в гостиницу Лидия Сергеевна, сделав звонок врачу Ларисы, ещё раз позвонила Леониду. На его недовольное: «А, это снова...» — никак не отреагировала, просто перебила:

— Я попросилась на обследование. Уверена, что смогу помочь Ларисе. Это... и ради тебя... тоже...

Леонид ничего не ответил, но трубку не повесил. Просто долго молчал. Наверное, не находил слов.

А к осени на старой скамейке кто-то подрисовал ещё одно сердце. Теперь оперённая стрела пронзала их три. И подпись тоже изменилась: рядом с «Л + Л» появилась третья буква «Л». Время от времени скамейку засыпало жёлтой листвой, но осенний ветер неизменно сдувал умершие листья.